

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

ЛУЧШАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ ДРАМА

КАТОРЖАНИН

Колычев. Лучшая криминальная драма

Владимир Колычев

Каторжанин

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колычев В. Г.

Каторжанин / В. Г. Колычев — «Эксмо», 2015 — (Колычев.
Лучшая криминальная драма)

Матвей Молотов, сын профессора, студент престижного вуза, проиграл в карты весьма внушительную сумму. Чтобы вернуть долг, ему пришлось бросить учебу и заняться угоном автомобилей. Кривая дорожка очень скоро привела его на нары. Но «колючка» да вышки не стали для Матвея непреодолимой преградой. Вместе со «смотрящим» по зоне Боярчиком Матвей бежит в дикую суровую тайгу. Медвежьими тропами, пережив многие тяготы и лишения, он наконец выбрался к небольшому сибирскому городу. Здесь он нашел приют, а заодно узнал, что на местном заводе металлов выплавляется золото и серебро. Дерзкий план сколотить банду и подмять под себя этот завод пришел ему на ум почти мгновенно...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колычев В. Г., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Владимир Колычев

Каторжанин

© Колычев В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Глава 1

Мир, труд, май, шашлыки, водка... Умаялся народ за день. Непростое это дело – генеральную уборку во дворе и в доме провести, а потом еще и событие обмыть. Спят дачники, не беспокоятся о своей машине. Двор свой, ворота закрыты, чего бояться?

А сторожевого пса во дворе нет. Зимой дача пустует, а собака одна без хозяев жить не может, поэтому ее и не заводили. Некому охранять машину, и она может стать легкой добычей для вора. И станет. Аккумулятор с нее не снят, свечи вкручены как надо, даже капкана в педалях нет. А зачем напрягаться, когда двор свой и чужие здесь не ходят?

Но они еще как ходят!

Парень в черной ветровке набросил на голову капюшон, осмотрелся и ловко перемахнул через забор. Затаился, огляделся. Двор пустой, в доме тихо, окна не светятся. Лампочка горела только под козырьком на крыльце, а вор подкрадывался к «Волге» с темной стороны.

Матвей Молотов любил шик и блеск, ему нравилось прожигать жизнь в кабаках и в постелях с красивыми телками. И еще он любил пощекотать нервы за карточным столом. А для этого нужны были деньги. Отец отказался финансировать его удовольствия, но Матвей наловчился зарабатывать сам.

Он знал, как отжать боковое стекло, просунуть в салон зацеп и поднять рычажок – вот дверца и открыта. Матвей сел на водительское кресло, осторожно ощупал педали, сунул руку под панель, выдернул из гнезда замок зажигания, отсоединил проводки, одним коснулся другого и завел двигатель.

Со двора он выезжал с выключенными фарами. Выворачивая в проулок, он оглянулся на дачный дом. Хоть бы одно окошко засветилось, хоть бы кто на крыльцо выскочил...

Матвей выехал за ворота дачного кооператива, включил фары и вырулил на лесную дорогу. Через четыре километра будет «бетонка», по ней он выйдет на Ярославское шоссе, – и на Москву. «Волга» почти новая, судя по всему, в отличном состоянии, Шалут за такую три «косаря» отстегнет, и то этого будет мало. Есть люди, которые могли бы и пять штук за такую красавицу дать, но Матвей таких не знает. И выходов у него на Закавказье нет, а то можно было взять за «Волгу» и все двадцать тысяч...

– А куда мы едем? – донеслось вдруг с заднего сиденья.

Матвей умел владеть собой, профессия того требовала, и руль из рук от неожиданности не выпустил, но все-таки стало немного не по себе. Голос девичий – тонкий, нежный, но принадлежать он мог и какой-нибудь толстухе с тяжелой рукой и с бутылкой из-под шампанского в ней...

Он высматривал эту машину весь день, видел ее хозяина и его домашних. Сам он «мужичок с ноготок», зато жена у него – баба крупнотелая, толсторукая, такая ударит – и дух из тебя вон.

Хозяин машины друзей из города привез, сначала работой нагрузил, а затем «поляну» в награду накрыл – шашлыки, водка, все такое. И дочка с ним была – худенькая длинноногая девушка лет двадцати. Светлые, с химической завивкой, волосы, дешевые «капельки» в ушах, белое платье «сафари». Все вкалывали, и только эта фифа слонялась по двору как неприкаянная, больше вид делала, чем работала. Нельзя ей было себя излишне утруждать, маникюр она могла испортить, и платье испачкать. И вообще, слишком нежное она существо, чтобы заниматься грубой работой...

Матвей съехал на обочину, остановил машину, вышел из нее, пересел на заднее сиденье и, сгребая барахтающуюся девушку в охапку, спросил:

– Ты кто такая?

Да, это была та самая девушка – те же светлые вьющиеся волосы, джинсовое платье, маникюр на пальцах.

– Рита я! А ты?

– Фредди Крюгер! Ночной кошмар заказывала?

– Нет!

– А какого черта в машину села?

– Села. И заснула... Ты не Фредди Крюгер, ты нашу машину угнал, да?

– Не угнал, на прокат взял.

Он должен был связать Риту, затащить в лес и там оставить, но ему почему-то не хотелось расстаться с этой фифой. Слишком уж хорошо от нее пахло, и тело у нее такое упругое.

– Вместе со мной? – весело спросила она.

– А ты хочешь со мной прокатиться?

– Ну, делать нечего...

Он расстегнул одну верхнюю пуговицу на платье, другую.

– А если мы далеко заедем?

– Я смотрю, ты разогнался, – усмехнулась Рита.

– Тебе же делать нечего, – широко улыбнулся он в ответ.

– Ну, почему же нечего! – Рита потянулась к нему, прижалась теснее, и он на мгновение подумал, что это такой коварный план с ее стороны – закрыть доступ к воздуху и удушить.

Но нет, не собиралась она его убивать. Напротив, она хотела, чтобы Матвей был живее всех живых. Машина стояла на дороге в каких-то двух-трех километрах от дачи. Ее могли хватиться, тогда у Матвея возникнут серьезные проблемы. Но не было у него сил выбить из седла шальную наездницу...

Музыка стихла, свет погас, и что там происходит в доме, можно только догадываться.

Матвей хмурил брови, глядя на темные окна дачного дома. Вроде бы и не воспринимал он Риту всерьез, но ревность вдруг схватила за душу. Что, если она сейчас развлекается с приехавшим в гости знакомым отца? Может, это у них уже и не впервые, может, она и раньше грешила с Павлом Севастьяновичем, мужик он еще не старый.

Тогда, в машине, это было какое-то сумасшествие... А потом она попросила отогнать машину обратно во двор, и Матвей не смог ей отказать.

Она его не осуждала, напротив, сама предложила компенсировать потерю. И наводку на другую «Волгу» дала, и «терпилу» на себя взяла. Она должна была подмешать снотворное в коньяк Павла Севастьяновича, дожидаться, когда он уснет, и подать Матвею знак. Но свет в доме уже погас, а Рита все не дает о себе знать.

«Может, зайти в дом да напомнить ей о себе, о деле? А заодно посмотреть, чем она там занимается...

Нет, нельзя этого делать. Зато можно осторожно заглянуть в окно». Матвей уже сделал несколько шагов к дому, когда появилась Рита.

Отец у нее работал где-то на Севере, хорошо зарабатывал, оттуда же и «Волгу» привез – по госцене взял, причем без всякой очереди. И на дочь денег не жалел, шмотки у нее фирменные. Джинсовая курточка на ней, короткая юбка из одного с ней комплекта, туфли на высокой шпильке.

Покачиваясь, она спустилась по ступенькам, икнула, достала сигарету и, заметив Матвея, пьяным голосом протянула:

– Ты уже здесь? Можешь начинать, он спит как убитый. – И протянула ему ключи от машины.

– Долго ты! – сквозь зубы процедил Матвей, вскрыл машину и вернул ключи Рите. Они должны оставаться в доме, поэтому дальше он без них управится.

Со двора Матвей выезжал один, Рита вернулась в дом, нельзя ей попадать под подозрение. Хотя вряд ли жертва станет на нее заявлять. Он же не дурак, чтобы свалить вину на Риту. И у родителей вопросы появятся, и у его жены... Действительно, чем он занимался с юной красоткой, когда жена в командировке?..

– Три «косаря», – с легким кавказским акцентом сказал Шалут, осмотрев «Волгу».

Матвей кивнул. Ничего другого он и не ожидал.

Машина стояла на территории гаражного кооператива, в тупике, отгороженном от общей части забором и воротами. Восемь гаражей здесь – для угнанных машин. В этом закутке и номера перебьют, и новые документы оформят, надо будет, и перекрасят. У Шалута все на мази – от угона до сбыта.

– Пойдем.

Шалут кивком головы показал на крайний, у самой стены гараж. Там у него штаб-квартира и тайник, в котором хранились деньги, но обычно с Матвеем он расплачивался на месте.

В гараже Матвей увидел двух таких же «лаврушников», как и Шалут. Один – молодой, в черной шелковой рубашке, с распахнутым воротом, с растительностью на груди, в которой терялась толстая золотая цепь с крестом. Черные как смоль волосы, резкие хищные черты лица, орлиный нос. Второй – постарше, грузный, тяжеловесный, черты лица, как у типичного кавказца, а волосы рыжие, и кожа веснушчатая. Молодой держался настороженно и, увидев Матвея, впился в него хищным пытливым взглядом. Рыжий, казалось, думал о чем-то хорошем. Взгляд мечтательный, мышцы лица расслабленные, скорее всего, под кайфом он. На Матвея рыжий даже не взглянул.

Шалут сунул руку в железный ящик для инструмента, достал оттуда пачку денег, отсчитал двадцать сторублевых купюр и с важным видом протянул Матвею, явно рисуясь перед своими гостями. Со стороны действительно могло показаться, что две тысячи рублей для него сущий пустяк... Но почему только две?

– А не мало? – спросил Матвей.

– Э-эй, а ты разве не вор? – удивленно произнес Шалут и неприязненно поморщился.

– Ну-у...

В какой-то степени Матвей действительно был вором. А как еще назвать человека, который угнал на продажу шесть машин? Но к воровскому ходу, как таковому, он себя не причислял. Много лихих дел на его счету, но воровской романтикой он не проникся. Зачем ему это?..

– Я тебя уже давно знаю, Матвей, ты правильный пацан. Наш пацан, воровской. Или ты держишь себя за фраера?

– Ну, я как-то не думал.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать один...

– Я в твои годы за зоной уже «смотрел», – снисходительно усмехнулся Шалут. – Короче, если ты наш, воровской, с тебя «штука» «на общак»!

Матвей даже вытянулся в лице от возмущения. Он ничего не имел против «общака» и всяких там движений вокруг него, но не готов был пожертвовать целую «штуку» на воровское благо.

– Я не понял, пацан, ты что, на неприятности напрашиваешься? – резко и зло бросил молодой грузин и коснулся пальцами верхней пуговицы на рубашке, будто собирался рвануть ее на себе.

– Да нет, не напрашиваюсь, – пожал плечами Матвей. – Просто неожиданно как-то.

– Неожиданно «мусора» наваливаются, – без малейшего акцента, неторопливо, проговорил рыжий. – Примут, закроют в беспредельную хату, а там «лохмачи». Если же мы прогон по тебе сделаем, ни одна падла даже глянуть на тебя не посмеет. Ты понимаешь, о чем я?

– А принять тебя могут, – добавил Шалут. – Ты в нашей работе по уши...

– А сдашь кого-нибудь, я тебе своими руками штифты выну! – возбужденно вскочил с места молодой и даже пальцы растопырил – словно собирался воткнуть их Матвею в глаза.

– Ша, Фидель! – одернул его Шалут. – Матвей не сдаст! Я его насквозь вижу.

Фидель сдал назад, сел на свое место. А Шалут достал из кармана новенькую, запечатанную колоду карт и, глядя на Матвея, с загадочной улыбкой проговорил:

– Погорячились мы по ходу, нужно остыть.

– Ну, можно.

Матвей напрягся. Карты действовали на него как зажженная лампочка на собаку Павлова. Он обожал одурачивающие моменты, которые приносит сорванный банк, да и легкие деньги любил не меньше.

Шалут глянул на Фиделя, тот скривился и нехотя сказал:

– Ну, если только по «чирику».

– Может, по сотке?

– Много.

Фидель как чувствовал, что удача не улыбнется ему. Он слил в «двадцать одно» сотню рублей и отвалил в сторону. Не везло и Шалуту. Зато фартило Матвею, он выиграл две сотни, замахнулся на третью, но Фидель вышел из игры, и удача переметнулась на сторону Шалута. Матвей потерял все, что взял в плюс, ушел в минус, но фортуна снова улыбнулась ему. Он знал, что это продлится недолго, поэтому предложил повысить ставку до ста рублей. И выиграл «штуку», ту самую, которую зажал Шалут. Удача улыбалась ему в лицо, азарт толкал в спину, и его понесло. Он повысил ставку до тысячи, поднял свою плюс до шести «косарей», а потом вдруг остался ни с чем. Фортуна отвернулась от него, но Матвей уже не мог остановиться.

– Все, хватит! – Шалут смотрел на него как на сумасшедшего – с усмешкой и презрением.

А Матвей был словно невменяемый. Он проиграл восемьдесят штук, но у него был шанс отыграться. Он точно знал, что шанс есть. Еще немного, и он появится, тогда Шалут сам уйдет глубоко в минус.

Но Шалут отказался играть в долг, и он имел полное право на это.

Восемьдесят штук! Матвей схватился за голову, когда до него дошло, сколько он проиграл. Отец у него – доктор наук, профессор, академик, и очень хорошо зарабатывал, но восемьдесят тысяч ему не поднять и за пятилетку.

– Как возвращать будешь? – пристально глядя на него, спросил Шалут.

Карточный долг – дело святое, и Матвей прекрасно это понимал, тем более долг законному вору. С него теперь не слезут, пока он не рассчитается.

– Я отработаю.

Шалут кивнул и закатил глаза, подсчитывая, сколько и каких машин должен подогнать ему Матвей, чтобы закрыть свой долг. А он закроет. Подгонит пару десятков тачек и закроет. Главное, чтобы его не повязали менты до того, как он рассчитается с Шалутом.

Машина почти новая, но никак не заводилась. Матвей уже собирался уходить, когда двигатель наконец «схватился» и заработал. Но в это же время из дома выскочил мужик с топором в руке.

А ворота во двор железные, с удара их не откроешь. Но и в этот раз Матвей работал в паре с Ритой. Она не отвлекала жертву, не лезла к нему в постель, не усыпляла, а тупо стояла у ворот. «Девятка» завелась, и она тоже пришла в движение – открыла створку ворот.

А вторую створку открыть не успела: не было у нее для этого времени. Впрочем, хватало и одной половины, чтобы выехать.

Матвей остановился у самых ворот, Рита открыла дверцу, запрыгнула в салон.

– Убью, суки! – орал потерпевший.

Одной рукой он схватился за ручку задней двери, которую не успела закрыть за собой Рита, замахнулся топором, но промазал, и боек быстро опустился на заднее стекло. Мужика пришлось отвалить в сторону, а машина вырвалась в лабиринт узких улочек и вскоре покинула дачный поселок.

– Блин, я тащусь с тебя, Молотов! – сжимая кулаки, восторженно просияла Рита.

Она только что могла остаться без ноги, впереди опасность, а ей хоть бы хны. Ей нравилось угонять машины, и она этого не скрывала.

А еще Матвея смущала самостоятельность. Она могла пропадать с ним сутками, не отчитываясь перед родителями.

Какое-то время Матвей молчал, набираясь решимости, и наконец спросил:

– Скажи, зачем тебе это все надо?

– Что это? – не поняла Рита.

– Ну, со мной, на дело... Зачем?... Могут же схватить, а это реальный срок. Зачем тебе это?

– А тебе?

– У меня долг, мне отрабатывать надо. Если не отработаю, поставят на нож.

С тех пор как Шалут поставил его на счетчик, Матвею больше не надо было искать оправдания – ни перед собой, ни перед Ритой. Проигрался он и теперь ходит в должниках. Больше никогда не сядет за карточный стол, слово себе дал завязать с этим делом. Но кому от этого легче?

– Я не хочу, чтобы тебя поставили на нож. Поэтому я с тобой.

– А если влетишь?

– Все равно... Я люблю тебя, Молотов. Я очень тебя люблю.

– Да ну!

Он хотел, но не мог верить. Она ведь едва успела рассмотреть его тогда в машине. Был бы на его месте кто-то другой, она бы отдалась так запросто и ему.

– Гну! – Надув щеки и скрестив руки на груди, Рита отвернулась. Она не собиралась его в чем-то убеждать, она просто хотела быть рядом.

Помятая дверь, разбитые стекла. Все это, конечно, можно было починить, люди у Шалута для этого есть, но вор качал головой, осматривая машину.

– Ну, я же не прошу три штуки за это дело, – вздохнул Матвей. – Можно две с половиной.

– И на «общак»... Полторы в зачет пойдет... Мало... И долго... – качая головой, тускло сказал Шалут. – Кто там у тебя?

Он заметил сидящую в машине Риту, щелкнул пальцами по стеклу, движением пальцев поманил ее к себе. И Матвей кивнул – да, она может выходить. Машину он уже, считай, сдал, сейчас они покинут гаражный кооператив, поймут тачку и отправятся на новое дело. Если, конечно, Рита будет настаивать. Он бы дал ей отдохнуть пару дней, но не хочет она – такая вот ситуация.

Рита вышла из машины и взяла Матвея за руку, с опаской глядя на вора.

– Здравствуйте!

– Хорошенькая. Твоя телка?

– Она – не телка! – вскинулся Матвей.

– Это правильно, – покладисто улыбнулся вор. – Не надо признаваться в том, чего нет... Здесь пока побудешь! – Он кивком головы показал Рите на открытый гараж.

– Почему это? – возмущенно спросил Матвей.

– Сделаешь дело – заберешь, – ответил Шалут и, отводя Матвея в сторонку, с нотками зависти в голосе добавил: – Клевая девчонка... Невеста?

– Ну-у... В общем, да.

– Я тебе, брат, подарок на свадьбу сделаю. Тридцать «косарей» скину. Пятьдесят останется. Но ты их сегодня и отработаешь. И все, никаких долгов.

– Сегодня? – У Матвея сжалось сердце в недобром предчувствии.

– Ну, а чего тянуть... Пацан ты правильный, я в тебя верю... Короче, фраера одного нужно проучить.

– Фраера? Проучить? – пробормотал Матвей.

– Только мямлить не надо... – с осуждением глянул на него вор. – Сделаешь дело и дальше работай. Я тебе «штуку» на каждую тачку накину.

– А что делать надо?

Шалут выразительно провел пальцем по горлу.

– Что, так серьезно? – похолодел Матвей. Одно дело – морды всяким козлам на дискотеках бить, машины угонять, и совсем другое – убивать. На «мокруху» он не подписывался.

– Очень серьезно. И ты уже в курсе дела. Поэтому без вариантов: или ты решаешь проблему, или твоя девочка остается здесь. Навсегда.

Уж полночь близится, а Германа все нет... Смешно это или нет, но жертву действительно звали Германом. Рослый парень, плотного телосложения, можно даже сказать, качок. Матвей не видел его вживую, но Шалут дал подробное описание. Массивная тяжелая голова, круглое лицо, маленькие пороссячи глазки, широкий приплюснутый нос, а главное, раздвоенный подбородок. Шалут назвал его «яйцебородым».

Матвей знал, где он живет, и, придя к его дому, устроился в беседке, наблюдая за подъездом. Июнь месяц, в это время дни длинные, а ночи предельно короткие. Темнеть еще только только начинает...

Герман еще молодой, он мог и до самого утра гулять, обычное дело. Но Матвею не хотелось пропадать в этом дворе всю ночь. Ему спешить надо: Рита в заложницах у Шалута, и он должен как можно скорее освободить ее... А Германа все нет, и ощущение тупика усиливается.

Сумерки сгустились, во дворе зажглись фонари, и Матвей переместился на скамейку перед подъездом. Только он сел, как появился Герман. Действительно, рослый, мощный. И яйцебородый. Он быстро прошел мимо, и тот, словно подхваченный вихрем, вскочил и понесся за ним...

Матвей никогда еще никого не убивал, он даже не знал, как это делать. И страшно ему, и вид у него растерянный – Герман мог заподозрить неладное. Но парень ничего не замечал, и Матвей беспрепятственно зашел в подъезд, доставая из кармана нож...

Шалут говорил, куда и как нужно бить, чтобы наверняка, но все наставления вдруг вылетели из головы. И решимость убивать исчезала ударными темпами. Зачем он должен убивать? Ясно же, что Шалут играл краплеными картами. Он же нарочно поставил его на долг, чтобы подбить на «мокрое» дело. Возможно, собирался использовать его как одноразовую торпеду. Матвей убьет Германа, а потом на нож поставят и его самого. И Риту заодно. А если так, то нужно возвращаться, забирать Риту, а там видно будет. Страна большая, а руки у воров короткие... Действительно, нет никакого смысла убивать человека, только грех на душу брать.

Герман подошел к лифту, нажал на кнопку и только тогда заметил и Матвея, и нож в его руке.

– Эй, я не понял! – воскликнул он и ударил его ногой.

Матвей успел среагировать, на рефлексх ушел от удара. И ответил. Он мог бы ударить в ответ ножом, но в ход пошли руки и ноги. Он заблокировал ударную ногу противника, лишил его равновесия и обрушил на него град ударов. «Цуки», «учи», «энпи»... Он бил так, как требовала обстановка. Бил, пока противник не затих.

Герман всего лишь отрубился, пропустив рубящий «учи» в переносицу. Матвей не стал его добивать. Он поднял с пола нож, сунул его в карман и был таков...

Забор высокий, железобетонный, колючая проволока поверх него, но Матвей знал, куда и зачем он лезет, и это придавало ему сил. Он порвал рукав, оцарапал железной колючкой щеку, но препятствие взял и направился к приоткрытой двери в гараж.

Тихо в отстойнике, нет никаких работ. И только в штаб-гараже Шалута кто-то что-то говорил. Голос звучал монотонно и напоминал голос диктора, передающего новости с экрана телевизора. Может, никого там и нет, кроме Риты, сидевшей у работающего «ящика». Матвей должен отработать по «мокрому» делу, отчитаться перед Шалутом и забрать ее отсюда. Да, он облажался, не смог убить жертву, но вор пока не может об этом знать, Матвей со всех ног сюда спешил.

В гараже действительно работал телевизор, но Шалут на экран не смотрел, он был занят Ритой. Девушка лежала на столе животом вниз – голова повернута набок, тело и руки привязаны к столу. Без одежды, беззащитная, и Шалут, нависший над ней...

Больше в гараже никого не было. Но если бы здесь находились люди Шалута, Матвея это не остановило бы. Сейчас он готов был драться со всеми чертями ада. Готов был биться насмерть, лишь бы отомстить за Риту.

Он достал из кармана нож, подскочил к Шалуту и всадил клинок в область почки. Быстро ударил, по самую рукоять, с прокруткой. Именно так Шалут и учил его бить...

Он развязывал Риту, когда в гараж вдруг ворвались вооруженные люди. Одни были в форме, другие – в штатском. Матвей отбросил нож в сторону и поднял руки. Ментов было слишком много, чтобы сопротивляться...

Глава 2

Вода холодная, времени на помывку чуть-чуть. Матвей спешил намылиться с ног до головы. Маленький обмылок выскальзывал из рук и в конце концов выскользнул. Он шагнул за ним и застыл как вкопанный, почувствовав пристальное к себе внимание.

– Ну, чего встал, как хрен с бугра? – с усмешкой спросил кряжистый тип с квадратной головой.

Маленькие оттопыренные уши напоминали миниатюрные локаторы, форма черепа прямоугольная, но на этом сходство с карикатурным роботом заканчивалось. Глаза у него живые, похотливые, оскал кривой, глумливый. Роста он среднего, а в плечах косая сажень, руки короткие, но наверняка сильные. Вперив в Матвея пристальный взгляд, он кивком головы показал на обмылок:

– Давай, поднимай!

Матвей в ответ демонстративно повернулся к странному арестанту спиной и, улучив момент, встал под струю холодной воды. Сполоснувшись, отошел в сторонку и снова нос к носу столкнулся с ним.

– Я с тобой разговариваю, ты что, глухой! – пристально глядя на него, ткнул ему пальцем в грудь мужик.

И тут же взвыл от боли. Это Матвей, схватив его за пальцы, с силой выкрутил руку.

– Я не знаю, кто ты такой, но, если ты еще раз подкатишь ко мне, я заявлю «смотрящему», с его разрешения вызову тебя раз на раз и выверну тебя наизнанку. Ты меня понял?

– Пусти!

Матвей кивнул и разжал руки. Мужик не удержал равновесие и шлепнулся в мыльную лужу под ногами. Это его так взбесило, что он, вскочив на ноги, выхватил из-за голенища сапога нож с наборной ручкой.

– Без «смотрящего» хочешь? – хищно усмехнулся Матвей, принимая боевую стойку. – Ну, давай!

Четыре месяца он провел под следствием, еще столько же шел по этапу. Долго шел, нудно. И в СИЗО к нему лезли, и на пересылках, но ему удавалось отшивать всех этих уродов. Одному челюсть сломал, второму перебитый нос вправляли, третий на правый глаз ослеп после точечного удара. А этому он сейчас сломает кадык, если не уймется. А по-другому нельзя, лагерное быдло понимает только язык силы.

– Губарев! Я тебя сейчас в кондей запру! – властно донеслось со стороны двери.

В моечный зал вошел пузатый прапорщик с красными от мороза щеками. Старый застиранный китель, брюки с разглаженными стрелками, но, несмотря на внешнюю неухоженность, выглядел он внушительно. К тому же за ним была система, на которую Губарев мог только гавкать, как шакал, а зубами он в нее точно не вцепится. Вернее, клювом. Бакланским.

Так и оказалось. Отморозок затих и отвалил в сторону, а Матвей отправился одеваться.

– Ты покойник, падла! – донеслось ему в спину.

Матвей кивнул. Угроза принята, и отнесется он к ней со всей серьезностью. Но трепетать от страха не будет, хотя бы потому, что смерть не очень-то пугает его.

Когда жизнь заходит в тупик, движение вперед прекращается, дальше – только вниз. Так и с Матвеем – он опускался все ниже и ниже. Дно совсем близко. Мерзкое, лишенное всякого жизненного смысла. И не жизнь там, а жалкое существование. Так что, если ему вдруг суждено погибнуть под ножом того же Губарева, то ничего страшного. Хотя, конечно же, подставляться под удар он не будет...

А жизнь его зашла в тупик с тех пор, как он бросил вызов родителям, а затем и обществу. Пьянки, гулянки, посиделки с друзьями – все это требовало денег, причем с каждым разом

все больше. А еще нужно было оплачивать карточные долги, которые время от времени возникали. Сначала у родителей лопнул бюджет, а затем и терпение. Матвей должен был понять отца, который влез в долги, чтобы у него было все, но нет, он пошел на принцип – угнал одну машину, вторую, с Шалутом связался. А в итоге оказался в следственном изоляторе. Арестовали его за убийство, а потом еще и за угоны предъявили. Шалут насильовал его девушку, Матвей схватился за нож, не отдавая отчет в своих действиях, но защита не смогла подвести дело под убийство в состоянии сильного душевного волнения. И хотя отец нанял очень хорошего адвоката, все оказалось без толку. Вот если бы Матвей не угонял машины, тогда, возможно, ему пошли бы навстречу. Но ведь он угонял. И фактически состоял в преступном сообществе.

Суд все-таки сделал ему снисхождение. Он мог получить все пятнадцать лет, но ему дали восемь – с отбыванием наказания в колонии строгого режима. Всего-то...

Отец не проклинал Матвея, не отказывался от сына, но махнул на него рукой. Сколько раз говорил ему, что нужно взяться за ум, осмыслить свою жизнь, сделать правильные выводы, а все как об стенку горох. Не хотел Матвей исправляться добровольно, и теперь это будут делать принудительно. А если с ним вдруг что-то случится, родители убиваться не станут. Нет у них больше слез, все выплакали, и в этом виноват только он сам.

Родители дают о себе знать, и передачи отправляют, и письма шлют, а от Риты ни слуху ни духу. Как будто и не было ее в этой жизни... Не простила она ему, что попала в такую ситуацию, даже несмотря на то что Матвей наказал беспредельщика. Так ему и надо...

Сибирские морозы не чета московским, дышать невозможно, только глотать воздух. А он холодный, не глотається...

В цеху чуточку теплей, чем на улице, и печка здесь есть, руки можно погреть, а еще лучше всем телом к ней припасть. Матвей так и сделал. Сдал бревно и обнял печку.

– Эй, ломовой, хватит греться! Давай за работу!

Матвей отошел от печки, взялся за тележку, на которой завозил на распиленный бревна. Работа у него каторжная, но никто не виноват, что у него нет серьезной профессии, которая позволила бы ему работать в тепле. С учебой он завязал еще на третьем курсе университета... Если учеба мешает наслаждаться загулом, брось ее, проклятую. Так он и сделал – по своему скудому...

Лучше бы он в армию тогда после отчисления ушел, сейчас бы дослуживал. И домой бы вернулся человеком...

Он выкатил тяжелую скрипучую тележку во двор, загрузился, вернулся в цех. К печке сразу нельзя, надо несколько ходок сделать, только тогда его к ней подпустят... Вот если пилюра вдруг сломается, тогда можно будет погреться. Но не сломается...

Матвей бросил взгляд на железную печку, возле которой стояли двое в новеньких теплых клифтах. Куртки на них с иголки, но сами они старенькие, в смысле, бывалые. Важные, деловые, нахальные, на Матвея смотрели с презрением, но вместе с тем и оценивающе. Один среднего роста, коренастый, второй долговязый, с длинными и сильными руками. Оба ущербные – как на внешность, так и по содержанию.

– Молот, тут это, к тебе! – Костлявый Кузьмич толкнул Матвея плечом, кивком головы показывая на них. – Тебя зовут... Блатные, от Боярчика. Ты это, осторожней с ними...

Последние слова Матвей слышал уже на ходу. Он прекрасно понимал, что интерес лагерного «смотрящего» ничего хорошего ему не сулит, но и отступать не собирался. Да и некуда.

Вор Боярчик «смотрел» за всей зоной, Матвей лично его не знал, но все-таки сослался на него в разговоре с Губарем. В принципе, он правильно все сделал, но теперь его могли спросить за тот инцидент.

Неделя уже прошла с тех пор, Матвей и распределение в отряд получил, и в камеру заехал, и работает уже в меру сил своих. Он думал, что инцидент с Губарем сойдет на нет сам по себе, но, увы.

– Ты, что ли, Молот? – Коренастый двигал челюстями, как будто перемалывал зубами большой ком жевательной резинки, хотя там ничего такого и не было.

Матвей кивнул. Его так называли еще в следственном изоляторе, после того как он с одного удара вырубил особо озабоченного «баклана». И вырубил, и челюсть сломал. И никто не возражал против столь звучного «погоняла».

– А я – Мадьяр. Слышал? – с небрежностью спросил коренастый.

Матвей снова кивнул. Да, конечно, слышал он про Мадьяра... Возможно, это был какой-то другой Мадьяр, но ему-то какое дело?..

– А кто такой Губарь, знаешь?

– Ну, был такой, – помрачнев, исподлобья глянул на него Матвей.

– Что ты там обещал с ним сделать?

– Ну, если «смотрящий» добро даст.

– А если даст?

– Я готов, – кивнул Матвей.

– А если Губарь тебя на нож поставит?

– Чему бывать, того не миновать.

– Сегодня за тобой зайдут, жди.

Мадьяр подмигнул Матвею и, не прощаясь, направился к выходу. И долговязый глянул на него – с ухмылкой. И еще громко гыкнул, поворачиваясь к Матвею боком.

Ну, вот и началось. Матвея вызывали на разбор к «смотрящему», и там он действительно мог умереть в поединке с Губарем. Он будет биться до последнего, но если вдруг – значит, так на роду написано...

Губарь жег взглядом и раздувал ноздри, но на Матвея не нападал. Не было такой команды. Пока не было.

– За что тебя закрыли, Молот? – спросил «смотрящий», тускло глядя на Матвея.

Речь у него медленная, такая же заторможенная, как у Шалута, когда тот был под кайфом. И зрачки у него такие же суженные... Видно, вмазался Боярчик от нечего делать. Немолодой он уже, далеко за сорок. Морщины у него на лбу интересные: на нижней половине – вертикальные, а на верхней – горизонтальные. Вертикальные морщины как столбы подпирали горизонтальные. А морщины глубокие, явно не от хорошей жизни. Седина в волосах с рыжеватым оттенком, глаза желтушные, отечные круги под ними, щеки впалые, цвет лица нездоровый, землистого цвета. И весь он будто высохший изнутри.

– Человека убил, – ответил Матвей.

– Я слышал, этот человек в законе был. – Боярчик осуждающе качал головой, мысленно взвешивая вину подсудимого.

Матвей приготовился к смерти, но все равно ему стало не по себе. Одно дело умереть в честном бою, и совсем другое – сдохнуть подобно бешеной собаке...

– Да нет, не был он в законе. По ушам ему дали. Ну, еще до того, как...

Шалут, как оказалось, был развенчанным вором. Не устоял он перед соблазном, кинул кого-то из своих на продажу, за это и получил по ушам.

– Но ты же думал, что Шалут в законе.

Матвей потрясенно посмотрел на Боярчика. Он здесь в зоне без году неделя, до Москвы тысячи километров, а вор все про него уже знает. Как такое может быть?..

Какая сорока на хвосте притащила?..

Боярчик же смотрел на него с усмешкой. Ему нравилась реакция Матвея. Приятно было осознавать себя всемогущим и всезнающим.

– Думал. Пока он на мою бабу не полез... Не мог законный вор так поступить...

– Значит, развенчал ты Шалута, – усмехнулся Боярчик.

– Ну, это еще до меня было... Шалут своих кидал...

Вор нехотя поднял руку, с ленцой махнул ею, останавливая Матвея, дескать, не надо слов, и так все известно.

– А по жизни ты кто? – спросил он.

Матвей поджал губы. Шалут поставил его на воровской ход, даже на «общак» с «гоно-раров» снимал. К тому же Матвей занимался кражами, а это само по себе заслуживало уважение в арестантских кругах. Но в тюрьме он своим не стал. Блатные простили ему Шалута, но к себе не приняли. И в зоне он не стал причислять себя к «черной» масти, не заявил о своем отрицательном отношении к ментовским порядкам, поэтому и оказался в мужицком сословии. Но даже к приблатненным «мужикам» пока не примкнул.

– Что, нечего сказать? – усмехнулся Боярчик. – А Губарь – вор по жизни. Блатной, коренной, а ты с ним, как с каким-то «бакланом»...

– Не я первый начал... И «косяков» за мной нет, чтобы так со мной...

– Был бы человек, а «косяки» найдутся, – в ехидной ухмылке скривился Боярчик.

Разбор проходил в кочегарке, справа от Матвея шумно и упруго пылал огонь в топке. Ему должно было быть жарко, а его бросало в озноб. Боярчик не один, с ним свита – четыре человека. Плюс Губарь. Шансов у Матвея никаких, предъявят ему, а потом в топку...

– Или ты в этом сомневаешься, фраерок? – глумливо спросил Боярчик.

– Я надеюсь на справедливость, – выдал из себя Матвей.

– А ты думаешь, я не справедливый? Нет – я сама справедливость... Ты кого «прижмурил»? Беспредельщика ты наказал. И что за это получил? Срок. Это справедливо? Нет, не справедливо... А я тебя на волю выпущу... Прямо сейчас и выпущу... Не веришь?

Матвей закрыл глаза. Все, приговор вынесен, осталось только привести его в исполнение. Сунут нож под ребро, и выйдет душа на свободу. А как еще понимать слова «смотрящего»?

За спиной у Матвея приоткрылась дверь, в кочегарку кто-то вошел. Возможно, менты нагрянули, но это не спасение, а всего лишь отсрочка приговора...

Но непохоже было, что в кочегарку зашел мент. Значит, кто-то из своих пожаловал. Возможно, палач. Матвей напрягся в ожидании удара в спину, но человек прошел мимо, приблизился к «смотрящему» и что-то шепнул ему на ухо, косо глянув на Матвея.

– Нормально все, Стес, он с нами уходит.

Худощавый мужик с длинным и острым носом удивленно повел тонкой бровью, но ничего не сказал.

– Ну, с Богом, братва! – поднимаясь со своего места, решительно проговорил Боярчик.

К Матвею подошел пучеглазый тип, похожий на кабана. Даже нос у него напоминал свиной пятак.

– Держи, фраерок! Пользуйся! – произнес он и, протянув Матвею старый шерстяной свитер, велел надеть под его куртку. Но и это было еще не все. Он же подогнал две пары теплых портянок. Матвей и «вшивник» надел, и ноги утеплил, но так и не понял, зачем ему это нужно.

Самодельные лыжи плохо скользили по снегу, все норовили соскочить с примитивного крепления, но лучше с ними, чем без них. По пояс в снегу далеко не уйдешь, а путь у братвы неблизкий – по морозу, через бескрайнюю тайгу.

Зона уже далеко, километрах в двадцати за спиной, но Матвей только-только осознал, в какую историю вляпался.

Оказывается, в кочегарку к «смотрящему» его привели вовсе не для того, чтобы спросить за Губаря и Шалута. Вор со своей свитой собирался уходить в бега, все уже было готово, и решил взять с собой Матвея, поэтому и поднял его среди ночи, вызвал на разбор.

Но зачем Боярчик это сделал? Зачем ему Матвей?..

И еще пугало возможное наказание. Восемь лет уже в активе, а за побег добавят еще три. Что в этом хорошего?

Воры затоварились основательно. В хабарах у них тушенка, сухари, хватит как минимум на неделю. А времени, чтобы собрать провизию, было у них предостаточно, подземный проход под лазерными стенами делали не один год. Долго рыли, нудно, тяжело. Вынутую землю нужно было куда-то девать, проход укреплять бревнами, досками – много труда и нервов на это дело потрачено. А Матвей даже пальцем не пошевелил, на халяву, считай, в бега ушел. И хлеб чужой будет есть... С чего такая честь? Что-то неладное в этом. Какой-то подвох. И он должен с этим разобраться.

Зима уже на исходе, но мороз все равно крепкий. А под робой только свитер. И теплые портянки плохо держат тепло. Стынут кости, замерзают ноги, а если остановиться, то и вовсе «дуба дать» можно.

Но и без остановок идти нельзя. Матвей чувствовал в себе силы, он мог обходиться и без передышек, но далеко не у всех беглецов столько здоровья. Боярчик совсем плохой, он еще держится, но силы его, похоже, на исходе. Чахотка у него, немного ему осталось. Он для того и встал на лыжи, чтобы напоследок хоть чуть-чуть пожить свободным человеком. И умереть на воле... И сам на лыжи встал, и других подбил. Но с другими понятно, а зачем ему Матвей нужен?.. Эта мысль не выходила из головы...

Сухари все съедены, от тушенки остались только пустые консервные банки, из которых можно было пить кипяток. Снега вокруг много – с водой без проблем, если есть, чем огонь высечь.

Огонь есть, вода, пустые банки, а больше ничего. Всем жрать охота, но братва не унывает. Вроде как все по плану идет. Две недели уже в пути, и хоть бы одна жилая избушка за это время попалась. А если Боярчика послушать, то все без проблем. Оказывается, он нарочно крюк через северное направление сделал, чтобы ментов со следу сбить. Возможно, ему это удалось. Скорее всего, так оно и есть, но Матвею от этого не легче. От ментов они, может, и ушли, но смерть уже где-то рядом. Третий день жрать нечего, люди оголодали, а просвета впереди нет и не предвидится. Вокруг на сотни километров сплошная тайга, и, кажется, нет уже никакой возможности вырваться к людям.

Нет спасения, не видно его, но Боярчик людей не останавливает, и сам держится бодрячком.

В начале пути вор казался доходягой, а Матвей чувствовал себя полным сил и здоровья. Но так только казалось. Сейчас Матвей сам ощущал себя доходягой по сравнению с Боярчиком.

Наконец вор остановился и поднял руку. На сегодня все, пора устраиваться на ночлег. Место для этого подходящее – возвышенность, каменистая верхушка которой была обнажена недавней выугой. Камни крупные, ими можно обложить костер. Тепло из камней уходит долго... Главное, чтобы костер был жарким, долгим, тогда ночью и в тепле можно будет поспать.

Беглецы устало повалились в снег. Им напрягаться не надо: для того чтобы развести костер, есть Матвей. Он в стае на правах «шныря». Впрочем, на иную роль в его положении глупо было бы рассчитывать.

Матвей набрал веток, развел огонь и, натаскав камней, сложил их вокруг очага. Устал неимоверно, но раз дело сделано, можно и отдохнуть.

Боярчик не позволил ему сесть у огня. Все время, пока Матвей занимался костром, он перешептывался с остроносым Стесом. А когда очаг был готов, он подозвал к себе и Матвея, и Губаря.

– Ну че, пацаны, надо разобрать ваш «рамс». – Кто там первый полез? Ты, Губарь?

Тот угрюмо покачал головой.

– Ты, Молот?

– Да нет, я защищался... – почувствовав неладное, ответил Матвей и бросил неприязненный взгляд на Губаря.

– Ну, давай, защищайся, – ухмыльнулся вор. – Если твоя возьмет, значит, ты был прав. Если Губарь тебя сделает, значит, виноват ты...

– Ну что ж, раз вопрос поставлен ребром, нужно драться, а не рассуждать. Тут или ты, или тебя...

Губарь достал из кармана заточку, вытянул руку и посмотрел на Матвея через крайнюю точку острия.

У Матвея тоже был нож, даже больше, чем у Губаря, сама настоящая финка со стальным лезвием. Мадьяр подогнал, чтобы Матвей мог ветки с деревьев для костра срезать.

Он обвел взглядом толпу. На него смотрели как на тушу, которую можно было освежевать и пустить на мясо. И дело здесь не в личных отношениях, на Губаря также смотрели как на жратву. Нетрудно было понять, зачем Боярчик затеял этот поединок. Кто проиграет, того и съедят. Люди оголодали, а тут живое мясо.

Чтобы уцелеть, надо победить. Но одной победы мало. Если Губарь его ранит, Матвея добьют и пустят на разделку. С раненым нянчиться никто не станет – не та ситуация, и не те люди.

– Ну! – Губарь подбросил свой нож, будто взвешивая его в руке.

– Гну! – Матвей приготовился к бою.

Он хорошо помнил схватку с Германом. Не смог он тогда ударить жертву ножом, не хватило духу. Сейчас все по-другому. Выхода у него нет, поэтому нож из руки он не выпустит, и на кулаки не перейдет. Сейчас он настроен убивать...

Губарь рванулся к нему, на ходу вскинул руку, в которой держал нож. Неосторожный замах открывал его корпус, подставляя под удар грудь и живот. Лишь идиот мог так поступить, но он был кем угодно, только не кретином. Значит, это какой-то хитрый трюк. Губарь ударил сверху вниз – молниеносно и точно. Если бы Матвей не убрал руку, в нее бы вонзился нож. Именно на это противник и рассчитывал. Хитрая тактика – сначала истыкать ножом атакующую руку, а потом уже нанести удар в живот или в грудь.

Матвей одернул руку, но тут же нанес ответный удар, сам проткнул Губарю руку, в которой тот сжимал нож. Он оказался способным учеником.

– Вешайся! – отскочив назад, сквозь зубы процедил Губарь.

Матвей усмехнулся. Ну вот, к его врагу вернулась его лютая злость, но вряд ли это ему поможет. Злость – плохой советчик.

Губарь не выронил нож, но хватка ослабла. Матвей же не спешил, он ходил по кругу, подгадывая момент удара. Ходил, но не атаковал, а Губарь тем временем истекал кровью.

И тут произошло неожиданное: кто-то толкнул Матвея в спину с криком: «Давай, Молот!» – и он чуть не налетел на нож.

Губарь ударил, встречая его, но немного не успел. Тяжелая рука у него, и сам он с трудом передвигался на ногах. Матвей увернулся и перехватил руку с ножом. Достаточно было несильного удара, и заточка улетела в снег. А свой нож Матвей сохранил. Им он и ударил. Точно в сердце...

Тайга без конца и края, то снег, то ветер, а чаще всего и то и другое. Март месяц уже, а зима и не думает отступать. Но и Деда Мороза не видно. Наверное, он знает, что с ним будет, если вдруг его поймают каторжане. Сожрут и не поморщатся. И Снегурочку не пожалеют. Под нож обоих пустят, и косточки потом обгладают...

Губаря уже сожрали. Без остатка. Его хватило на два дня пути. А тайга все не заканчивалась.

– А лучше всего молоденького на фарш пустить, – услышал Матвей за спиной голос Брюта.

Он знал, кто толкнул его на Губаря. Брют это и сделал. Жрать ему хотелось, вот он и ускорил процесс. Матвей уже понимал, зачем Боярчик взял его с собой – он моложе всех, и мяса у него больше, чем у некоторых. Он выжил в схватке с Губарем, но эта победа – всего лишь отсрочка приговора. Больше никаких поединков не будет. Сейчас Брют сократит расстояние до него и ударит ножом в спину. Все к этому идет.

Матвей незаметно достал из-за сапога нож, спрятал его в руке и, не дожидаясь, когда Брют атакует его, резко развернулся.

Брют и понять ничего не успел, как нож по самую рукоять вошел в печень. Открыв рот, он разжал правую руку, и в снег упала готовая к бою заточка. Промедли Матвей пару секунд, и этот нож вонзился бы ему в спину.

– Какого хрена ты меня на Губаря толкнул? – зло спросил он, глядя в стекленеющие глаза.

Боярчик посмотрел на Стеса и незаметно кивнул ему. Вор одобрял действия Матвея, но этим кивком он всего лишь сдвигал его в очереди. Он должен был умереть первым или вторым, но раз такое дело, пусть будет третьим...

Матвей встрепнулся и широко открыл глаза, услышав резкий, крикливый голос Стеса:

– Вот суки!

Оказалось, что ночь ополовинила остатки воровской стаи. Мадьяр ушел сам и увел за собой двоих. С Боярчиком остались Стес и Матвей.

Не захотел Мадьяр перевариваться в дерьмо, поэтому и ушел, прихватив с собой своих дружков. Так у него будет больше шансов уцелеть.

Само обидное, что и Матвей собирался уйти – в одиночку, куда глаза глядят. Он понимал, что больше поблажек ему не будет, следующим в «меню» окажется он сам. Именно в эту ночь он и собирался сбежать, но усталость сморила его. Только сейчас он и проснулся. Утро уже, Боярчик и Стес на ногах – поздно бежать, а до следующей ночи можно и не дожить. Как оказалось, беглецы унесли с собой остатки жратвы, ничего не осталось.

Стес бесновался, сотрясая воздух проклятиями, а Боярчик сосредоточенно думал, приложив пальцы ко лбу. Похоже, он завел в тупик и всех, и себя и теперь не знал, как быть дальше.

– Ну, и что будем делать? – спросил Стес, зло глянув на вора.

Он, кажется, понимал, что выхода нет. Куда ни поверни, везде смерть.

– Да, что будем делать? – поддержал его Матвей.

Боярчик потрясенно глянул на него, не веря, что какая-то сямка посмела открыть рот на законного вора.

– Что делать? – хищно сощурился он и, незаметно подав знак Стесу, который сразу пришел в движение, начал приближаться к Матвею.

– Все просто, пацан. Людей у нас было много, а ксив мало. Всего три «ксивы».

– И нас всего трое, – поддакнул вор.

– Каждому по «ксиве», – кивнул Стес.

– Это же хорошо! – с наигранным восторгом отозвался Матвей.

Он должен был изображать дурачка, только так можно было переиграть хитрых и коварных волков.

– Так никто и не говорит, что плохо! – широко улыбнулся Стес и положил руку Матвею на плечо. А во второй он уже сжимал нож. Еще мгновение, и все.

Но Матвей был начеку и, когда Стес ударил, перехватил его руку с ножом, заломил ее за спину и уложил Стеса на живот. Он должен был добить противника, но на это уйдет время, и Боярчик совсем рядом, и он уже достал из сапога «финку». Но вор не успел замахнуться. Матвей опередил его всего лишь на мгновение, сначала ударил кулаком в кадык, а затем только пустил в ход нож.

Одним ударом он повалил Боярчика, а другим – Стеса. И добить их не постеснялся.

Но чувство восторга эта победа не вызвала. Он выжил, а дальше что? Вокруг бескрайняя тайга, места настолько глухие, что здесь даже волков нет. Ни людей, ни волков – только смерть выюжно завывает. Холодная и голодная смерть...

Сначала на пути вырос деревянный столб с электрическими проводами на нем, затем в поле зрения попал железнодорожный вагон. Бетонные столбики, фонари, рельсы... Это был какой-то железнодорожный разъезд, но Матвей в него не верил.

Это всего лишь галлюцинация. Не так давно ему привиделись огни большого города, он брел к ним всю ночь, но утром этот мираж исчез. От обиды он тогда чуть не разрыдался... Не было никакого города, и не было больше сил двигаться дальше, так зачем насиловать себя? Лучше отдохнуть перед верной смертью...

И он сел на землю – отдыхать и умирать. Неоткуда взяться железнодорожной станции, и это всего лишь игра умирающего воображения.

Матвей оставался на месте, но поезд почему-то приближался. Сердце бешено забилося в груди, когда он понял, что это действительно настоящий грузовой вагон, закрытый, опечатанный. А за ним в сцепке платформа, два грузовика на ней. Нос к носу машины стоят. Вдруг их можно вскрыть и завести? Матвей вскочил и бросился к поезду.

Забрался на платформу, открыл дверь «ЗИЛа», залез в кабину, вырвал из гнезда замок зажигания, замкнул провода, и машина завелась. Двигатель разогрелся, в кабину пошло тепло.

Состав дернулся, грохотнув сцепками, и покатился дальше, медленно набирая ход. Машина работает, в кабине тепло... Матвей открыл бардачок, сунул руку и нащупал пачку лимонного печенья. Да, это действительно фантастика!..

Глава 3

Волк против собаки – кто сильнее?

Матвей чувствовал себя волком – злым, лютым, смертельно опасным, а перед ним выделялась какая-то дворняга. Он ничего не боялся, запросто мог засунуть руку ей в пасть, парализуя жевательные мышцы, а затем ударить ножом в загривок. Раз ударить, второй, третий... Но лучше не доводить дело до греха. Тем более что пес, почувствовав угрозу в его диком взгляде, поджал хвост. Его лай стал похож на жалкий скулеж...

Соскочив на ходу с поезда, Матвей пошел вдоль железнодорожного полотна, пока на пути не попался кирпичный дом, во дворе которого сохла одежда. Солнечные деньки вдруг наступили, снег еще не растаял, но уже чувствовалось дыхание весны. Неудивительно, что кто-то решил устроить большую стирку.

Его внимание привлек армейский ватник и теплые штаны цвета хаки. Это не совсем то, что ему нужно, но лучше что-то, чем ничего.

Матвей уже почти подкрался к добыче, а тут вдруг собака. Он-то, конечно, с ней справится, но как бы шум не поднял хозяев по тревоге.

Не успел он об этом подумать, как в затылок уперлось что-то твердое и холодное, и зычный женский голос потребовал:

– Брось нож, скотина!

Матвей выпустил из рук нож, осторожно повернулся. Сначала он увидел направленные в глаза жерла стволов, а затем сфокусировал взгляд на женщине, которая целилась в него из охотничьего ружья.

Немолодая женщина. Далеко ей за тридцать или не очень, понять сложно, но четвертый десяток она точно уже разменяла. Растрепанная, неухоженная, в таком же ватнике, как и тот, который сушился на солнце. Черты лица не совсем правильные, нос широковатый, с горбинкой, зато глаза красивые – яркие, пронзительные, и мелкие морщинки на лице не очень-то портили ее.

– Чего уставился? – Женщина отступила назад, чтобы Матвей не смог выбить ружье. – Ты вообще кто такой?

– Беглый, – честно ответил Матвей.

– Здесь что делаешь?

– Мне бы водички попить. А то так есть хочется, что и переночевать негде.

– Юморист?

– Ты бы отпустила меня, хозяйка. Зачем грех на душу брать? Сдашь меня ментам, а я невиноватый, только себе хуже сделаешь.

– Пряма-таки не виноватый! – язвительно хмыкнула она.

– Если бы тебя какой-нибудь ублюдок изнасиловал, а я бы его за это убил... Что бы ты тогда сказала?

– Ты кого-то убил?

– Насильника убил. Он мою девушку... А-а!.. – отчаянно махнул он рукой.

– Врешь!

– А я что, похож на вора и грабителя? – Матвей снял шапку и невинным взглядом посмотрел на женщину.

– Ну, сейчас нет... – пожала она плечами.

– У меня отец профессор в Москве, мама в министерстве работает...

– В Москве?

– Душу терзать не надо, – поморщился Матвей. – Если отпускаешь – отпускай, если сдаешь – сдавай.

– Ну, сдавать я тебя не буду... – не очень уверенно проговорила женщина и неожиданно спросила: – Есть хочешь?

Матвей закрыл глаза, растягивая губы в улыбке, и кивнул.

– Ну, пошли!

Дом кирпичный, с газовым отоплением. Матвею показалось, будто он попал в рай – так здесь было тепло. И обстановка на уровне. Современный кухонный гарнитур, в зале стильная стенка, полный шкаф книг – сплошь собрания сочинений. Раскладной диван, в комплекте с креслами, ковры на полу и на стенах. Японский телевизор, видеомагнитофон. Свежие не дешевые обои, паркетные полы... Матвей ничего не понимал. Баба деревенская, а обстановка у нее как в хорошей городской квартире.

– Чего глазами шарись? – грозно спросила женщина.

– Не бойся, ничего не украду.

– Только попробуй!

– У нас квартира в центре Москвы, четырехкомнатная, в номенклатурном доме. Так у тебя покруче будет, чем у нас.

Обстановка в доме действительно на уровне, так что не грех немного соврать. В Москве, в родительской квартире и мебель получше, и расставлено все со вкусом... Как же он хотел вернуться домой, обнять мать, сестру, у отца прощения попросить. Но нельзя ему туда, и он прекрасно это понимал. «Сторожок» на отчем доме, повяжут Матвея, если он туда сунется. Да и родителей ни к чему лишний раз напрягать. Они с ним в прошлой жизни намучились, не хватало еще в этой – с беглым носиться. Устали они, не надо им досаждать...

– Стараемся! – расплылась в улыбке женщина. – Тебя как зовут?

– Матвей, – улыбнулся он в ответ.

– А я – Оксана Михайловна. Может ванну примешь, а то от тебя прямо помоями несет. Я быстро сделаю, – предложила хозяйка.

– Полагаюсь на ваше милосердие, Оксана Михайловна, – кивнул Матвей и выразительно посмотрел на телефонный аппарат.

А вдруг, пока он будет принимать ванну, она позвонит ментам, и наряд подтянется. Прощай, свобода... А в зоне спросят, куда делся Боярчик. Как бы не предъявили за него. Хотя это вряд ли.

– Не бойся... У меня у самой брат мотает... – с пониманием глянула на него женщина.

Матвей вопросительно повел бровью, и она усмехнулась:

– Ну, не один же ты такой... Вася меня убьет, если узнает. Ну, если я тебя сдам.

– И правильно сделает! – серьезно сказал он.

Оксана испуганно шарахнулась от него, потянулась к ружью, которое приставила к дивану.

– Да я тебя не трону, – покачал головой Матвей. – Я с бабами не воюю.

Она в замешательстве подняла руку, растопырила пальцы, как будто собиралась схватить его за ухо, но всего лишь махнула ею и отправилась в ванную.

Водка, селедка, бочковая капуста, огурчики. Еще позавчера у Матвея случился бы заворот кишок от такого удовольствия, а сегодня он уже в норме.

Накупался он вчера в полное свое удовольствие. Так накупался, что рухнул без чувств за порогом ванны. Оксана уложила его в кровать, привела в чувство, а потом еще и накормила – кашкой, чуть ли ни с ложечки. Он поел и вырубился. Только на следующий день и проснулся. А из постели только сегодня вылез.

Оксана сидела перед ним за столом, подперев голову рукой, и смотрела, как Матвей ест. В придачу и водочка шла легко, за милую душу.

– У тебя есть девушка? Где она сейчас? – спросила Оксана, продолжая смотреть на него.

– В Москве.

– Ждет?

– Меня на восемь лет закрыли, зачем я ей такой?

– У меня мужа на пятнадцать лет закрыли, и ничего, я его ждала, – презрительно оттопырив нижнюю губу, фыркнула она. – Не веришь?

– А ты сама себе веришь? – усмехнулся Матвей.

– Ну, мы с Алешей не успели пожениться... Но мы с ним жили как муж и жена... Да, как муж и жена! – Оксана щелкнула пальцами по горлышку бутылки, затем взяла ее, наполнила стопки, выдохнув воздух, опрокинула в себя рюмку и выпалила:

– И я его до сих пор жду!

– А сколько твоему Леше осталось?

– Убили Лешу! Шесть лет отмотал, на этом все и закончилось. Говорят, что сам на себя руки наложил, но я не верю. Никто не верит... Не такой он, чтобы сам...

– Ну, в зоне все сами себя... – криво усмехнулся Матвей. – А зачем начальству показатели по беспределу портить? Может, я и сам, того...

Хорошо, если его признают погибшим, снимут «сторожок», перестанут искать. И родителям легче будет. Поплачут, пережуют и успокоятся... Может, врет Оксана про своего брата и какого-то там Алешу? Вдруг зубы заговаривает? Запудрит ему мозги, замылит глаз, а сама к участковому – стук, стук, стук, я ваш друг...

– Алешу за что закрыли? – спросил он.

– За убийство... Охранника он убил... Выносил «рыжье», а тот его за руку поймал, ну, Алеша сдуру его и приземлил. И Ваську за «рыжье» повязали. Но Васька никого не убивал. Ваське шесть лет дали, он уже два года отсидел, на поселение должны перевести, а там, даст Бог, по условно-досрочному выпустят...

– У вас тут что, золото моют?

– Нет, выплавляют. Из шлама... Завод цветных металлов тут у нас, медь выплавляют, золото и серебро. Слитки прямиком в Госбанк переправляют. И Алеша на заводе работал, и Васька... И я работаю. Уборщицей. Меня после них к «рыжью» не подпускают... А раньше несла понемногу. Это нетрудно, если знать. И если не бояться... У нас очень строго с этим делом, но несут все. Кого-то сажают, кого-то Бог милует... Меня посадить могли, но ничего, живу... Может, опять в аффинажный цех вернусь. Меня же за руку не ловили...

– Интересно у вас тут бабы пляшут, – заинтригованно проговорил Матвей.

Казалось бы, какое ему дело до местного золота? На работу на завод он точно не устроится, и «несунов» обкрадывать не станет – не поживиться ему с этого дела. Но золото заворачивало само по себе. Где-то тут завод неподалеку, в одном большом сейфе – золотые слитки, в другом – серебряные. Достаточно было мысленно посмотреть на эти золотые и серебряные штабеля, чтобы участился пульс.

– И бабы пляшут, и мужики.

– Хата твоя или брата?

– Ну, мы вместе здесь живем... Васька свой дом собирался строить, фундамент уже залил...

– Ничего, вернется, достроит.

– На какие шиши? Не подпустят его больше к заводу.

– Может, заначка какая-то есть, – без всякой задней мысли сказал Матвей.

– Заначка?! – вскинулась Оксана. – Тебе какое дело до его заначки?

– Какое дело?! – Он возмущенно посмотрел на нее.

Да, он угонял машины, бежал из зоны, кровь у него на руках, но это не повод плохо о нем думать. Затем резко поднялся, подошел к Оксане, положил руки ей на плечи и зло проговорил:

– Запомни, родимая, я никогда не был крысой. И никогда крысой не буду! И не надо со мной так, поняла?

– Ну, не надо, так не надо...

– Я тебя не обижу. И не надо меня бояться, – смягчился он и отпустил Оксану.

А она вдруг схватила его за руку, потянула на себя, и они оказались на диване.

У Матвея давно не было женщины. Более того, *это* могло быть с ним в последний раз, не известно, что с ним будет завтра. Заметут менты, и обратно на ледяные лагерные ветра. На все одиннадцать лет. А там, за «колючкой» о бабах можно только мечтать... Поэтому сопротивляться он не стал...

Тепло в доме, а одеяло толстое. И еще жаркая женщина под боком. Хороша Оксана в постели, но спать с ней в обнимку не очень приятно...

Матвей поднялся, сунул ноги в тапки, прошел на кухню. Здесь прохладней, и покурить можно. Ночь за окном, но небо уже светлеет. Впрочем, ему все равно. Для него что день, что ночь...

Неплохо он устроился, ничего не скажешь. Оксана и кров ему дала, и свое тело, кормит его, поит. Он, считай, как сыр в масле катается. Но это и угнетало. Матвей же не альфонс какой-то, чтобы жить у бабы под юбкой. Но в то же время он беглый, и у него не было возможности достойно устроиться в новой жизни. В такой вот замкнутый круг он попал...

Но, возможно, все устроится само по себе. Деньги у Оксаны есть. Она ведь не просто уборщицей на заводе работала, через нее уходило краденое золото. Она в этом не признавалась, но Матвей догадывался. Если Оксана такая рискованная баба, может, сумеет раздобыть для него поддельные документы. Под ними он и начнет новую жизнь. А со временем отблагодарит ее – в материальном, разумеется, плане...

Но до липовой «ксивы» еще дожить надо. Опасные игры с государством, как правило, ничем хорошим не заканчиваются. Как бы за Оксаной не пришли. Тогда и ее повяжут, и его... Не так уж здесь и безопасно...

Во дворе вдруг загавкал Дружок. Матвей подошел к окну, которое выходило на ворота, и увидел, как в калитку входят двое. Напряженные, озадаченные, озираются по сторонам. Дружок и хотел напасть на незваных гостей, но не решался. Такое ощущение, будто пес знал их, но не настолько хорошо, чтобы вилять перед ними хвостом.

Не похожи эти двое были на ментов, но все равно Матвей насторожился и отправился в спальню – одеваться. И Оксану разбудил.

– Глянь, кто там? Если «мусора», дай знать!

Он провел пальцами по лезвию «финки». Хорошо нож наточен, до бритвенной остроты, но в ход его лучше не пускать. Если менты пожаловали, то от них лучше сбежать. Дом не окружают, значит, можно сбежать через окно. И огородами...

Как оказалось, к Оксане пожаловали дружки ее брата. Что-то стряслось у них – им нужно было спрятаться. Это напрягало, по их следу могли нагрянуть опера... Но и прогнать их Оксана не могла.

Она приняла гостей, накрыла стол, достала бутылочку. Матвей к ним не выходил: не хотел светиться. Но ребята пришли к нему сами. Догадались они, что Оксана не одна, и вломились к ней в спальню. Бесцеремонно вломились.

Матвей был на стреме. Шторы разведены, окно снято с креплений – хоть сейчас открывай. Ватник на нем, теплые штаны, сапоги, даже вещмешок собран.

– Это что за чучело? – спросил широколицый детина с маленькими водяными глазами.

Лет двадцать пять ему, в самом соку парень. Бычья шея, широкие плечи, сильные руки, на ногах держится прочно. Крепкий на вид хлопец, но это не остановило Матвея. Он ударил его

кулаком прямо в точку между подбородком и кадыком. С такого удара не убьешь, но вырубешь напрочь, если знать, как бить.

Парень мешком рухнул на пол, но еще оставался его дружок. И возрастом он помладше, и ростом поменьше, и в плечах поуже. Но не робкого десятка. Он быстро оправился от неожиданности, вскинул руки к груди, чтобы атаковать внезапного противника, но Матвей приставил нож к его горлу и спросил:

- Ты кто такой?
- Емеля.
- Ну, и чего тебе надо, Емеля?
- Да проблемы у нас...
- А почему вы мне проблемы создаете?
- Ну, мы же не знали про тебя...

Как оказалось, Емеля только притворялся бараном. Матвей заметил, как он достает из-за пояса что-то похожее на пистолет, и со всей силой ударил головой в его переносицу. Он и так бить умел, к тому же очень хорошо...

– Зачем ты? – осуждающе качая головой, спросила Оксана. – Они же тебе ничего не сделали!

Матвей нагнулся, разоружил Емелю и показал ей трофейный ствол. Это был самый настоящий пистолет «ТТ».

- А это что такое?

Он пошарил под курткой у широколицего и нащупал пистолет. Тоже «ТТ», причем с полной обоймой.

Он вставлял обойму на место, когда детина вдруг схватил его за руку. Матвей бить его не стал, он всего лишь наставил на него ствол. Это хватило, чтобы успокоить парня. Можно было его и упокоить, но пока не время.

- Ты кто такой?
- Ну, Яша я... А что такое?
- Да мне накласть, как тебя зовут! Ты по жизни кто такой?
- Ну, тебе об этом лучше не знать... – скривился Яша.
- Страшно станет? – усмехнулся Матвей.
- Ну, не знаю... Может, и станет.
- Яша! Хорош пургу нести! – Оксана покрутила пальцем у виска, глядя на парня. – С тобой же нормально!

- Ничего себе, нормально! Сразу «мочить»!
- Это тебе за «чучело», – без всякой иронии произнес Матвей.
- Да я так просто сказал, – покосился на него парень.
- Просто так ничего в этой жизни не бывает.
- А ты кто такой? Почему здесь прячешься?
- А ты почему?
- Да мы не прячемся, просто так зашли. Слушай, а может, ты от Васьки?
- Я от самого себя... Что у тебя там за проблемы? Давай, выкладывай!

Матвей должен был знать, какая опасность угрожает ему и как на нее реагировать. Не хотелось уходить от Оксаны, но, возможно, ему придется рвать когти прямо сейчас...

Водка не всегда изменяет сознание, иногда она просто позволяет ему примириться с жестокой действительностью. Еще совсем недавно Яша искал возможность, как вернуть утраченное, а сейчас готов был сдать врагу последнюю позицию в обороне.

- Валить отсюда надо, – глянув на Емелю, с пьяной тоской в голосе сказал он.
- Куда? – с кислым видом спросил тот.

– В Красноябск можно.

Матвей молчал. Все равно, куда свалят эти неудачники, лишь бы не мозолили ему глаза. И не мешали жить с Оксаной в тишине и спокойствии...

Но в то же время он понимал, что покоя ему не будет. Рано или поздно менты выйдут на него. Не так важно, повяжут его или он сможет уйти, по-любому, без потрясений не обойтись. В зону отправят – хреново, по тайге кружить в поисках тихой пристани – не многим лучше. Кому нужна такая собачья жизнь?..

Матвей уже знал, что произошло в поселке. Братва из Красноябска нагрянула, наехала на местную мафию. Основных заваляли, а шелупонь со страху разбежалась.

Яша всерьез считал себя крутым пацаном – как же, у него целый боец на подхвате, два ствола в арсенале. Но почему он забился в угол? Матвей не спрашивал, да все и так было понятно. Яша рассказал, как все было. При этом он пытался скрыть свой страх, но у него это плохо получалось.

В ресторане братва отдыхала, день рождения «пахана» отмечали, и вдруг появились какие-то уроды и без всяких разговоров набросились на именинника и его гостей. У одних были мясницкие топоры, у других обрезы и охотничьи ружья. Одни рубили – другие прикрывали. Кровь, если верить Яше, лилась рекой. Да и как не верить, если он до сих пор не может прийти в себя? К бабе вместе с дружкой убежал, под лавкой у нее спрятался.

А ведь не из робких эти ребята. Видно, сильное впечатление произвели на них «мясники» с топорами. Такого страху нагнали, и нет никакого желания драться за свою землю. Ну да, легче уехать в Красноярск и залечь там на дно, чем снова под топор...

– И что в Красноябске делать? – спросил Матвей.

– Ну, можно кооператив открыть, – с почтением глянув на него, пожал плечами Яша.

– А здесь ты чем занимался?

– Ну, тем и занимался...

Завод цветных металлов в долине реки Барсан построили в семидесятых годах, завезли рабочих, поставили поселок городского типа. И пошло-поехало. Только вот золото и серебро уходило в двух направлениях: большим потоком – в казну, и тоненькими ручейками растекалось по карманам особо умных. А где золото, там и мафия.

Воровской авторитет по кличке «Бремен» взял разрозненные процессы под свой контроль, обложил «несунов» данью, поставил прибыль на поток. Бригада у него своя была – полтора-два десятка бойцов. Он ведь не только работяг в узде должен был держать, но и от конкурентов отбиваться. Но, видно, не трогали его залетные, поэтому он и потерял нюх. Надо было кабак под охрану брать, а он прозевал «мясников». Половину из его бойцов банально вырубали топорами, а остальные разбежались. Теперь «мясники» будут снимать сливки с золотых и серебряных ручейков. Если, конечно, менты не повяжут их за тот беспредел, который они учинили...

Утро уже, наверняка ментов из Красноябска понаехало, как бы облавы не начались. Хорошо, дом у Оксаны на окраине стоит. Но все-таки лучше уйти, не дожидаясь большого «шухера».

– Может, в Красноябске тем же займешься? – спросил Матвей.

– Чем, тем же?

– Ну, с кооператоров снимать. Знаешь, что такое рэкет?

– Спрашиваешь!

– В Москве сейчас братва в полный рост гуляет.

– Ну, так то ж в Москве, – пожал плечами Яша.

– А в Красноябске кооператоров нет?

– Да полно... Город большой... Там и своих рэкетиров хватает...

– Сам кооператором станешь?

– Ну, можно цех открыть, кроссовки шить. А че, товар ходовой!

– Тогда на тебя самого рэкет наедет. И ты ничего поделать не сможешь. Потому что братва, которая на тебя наедет, стоять будет на своей земле... Понимаешь, о чем я? У каждого зверя своя территория, ушел с нее – сожрут... Нельзя тебе уходить из Барсана, здесь твоя земля... И стволы у тебя есть... А «мясники» – они чужие. Им здесь не место. Их поганой метлой отсюда надо...

– Да это понятно, – вздохнул Яша.

Он хотел отвести взгляд в сторону, но Матвей взял его за подбородок и заставил смотреть себе в глаза.

– Ты боишься?

– Ну, не то чтобы... – Яша взял его за руку, убрал ее от своего лица, но глаз не отвел.

– Тебе страшно. Но это пройдет. Если ты не фуфло.

– Не фуфло я! – встрепенулся парень.

– Дело не в том, страшно нам или нет, – покачал головой Емеля. – У нас тут на Бремене все держалось. Бремен был, Палас, Боня... На них все строилось... Как без них, я не знаю... И Яша не знает...

– Ну, ты за меня не говори... Я-то знаю...

– Что ты знаешь? – с интересом посмотрел на Яшу Матвей.

– «Мочить» «мясников» надо, собрать их до кучи, и самих на фарш, – неуверенно проговорил пацан.

– А сможешь? Ты когда-нибудь убивал?

– Ну, как-то не выпадало, – пожал плечами Яша.

Матвей перевел взгляд на Емелю, но и тот качнул головой. Не было у пацанов опыта. Зеленые они еще совсем, вся их сила на чужом авторитете держалась. Этой силы только на то и хватало, чтобы «несунов» запугивать и в узде их держать. Дело, конечно, нужное, даже необходимое, но сейчас этого мало. Сейчас, чтобы вернуть контроль над поселком, хищников убивать надо, а не травоядных доить.

– А ты? – напряженно глядя на Матвея, спросил Емеля.

– Выпадало. И убивал... Это нетрудно. Главное, нож в руке крепко держать. А если «волына» есть, еще проще...

Матвей говорил с уверенностью знающего человека, но при этом сомневался в своих способностях. Не так уж и просто убить человека. Все-таки человек... Но в то же время он не врал. Повернись вдруг время вспять, он, не задумываясь, всадил бы нож в Шалута. И Губаря бы не пожалел. И Стеса бы «поставил на перо»... Насчет Боярчика бы подумал – как-никак, тот в законе был, хотя, в принципе, сволочь еще та...

И «мясники» из Красноярска были бешеными псами, без которых земля станет чище... А если Матвей вдруг не сможет с ними справиться, если сам сгинет, мир без него не обеднеет. Как ни крути, а он такой же дикий зверь, из тех, кого нужно отстреливать...

Глава 4

Красивый парень. Лицо как будто плакатный художник рисовал – четкий овал, правильные черты, аристократический нос, в меру полные губы, волевой подбородок. Отличное телосложение, чумовой прикид – лайковая куртка, черные джинсы, кроссовки... Парень смотрел на Риту весело, в ожидании ответного восторга. Он привык к легким победам над девушками, поэтому был уверен в себе.

Но Рита качнула головой, слегка покривив губы. Красивый парень, но постный. Глаза синие, но в них нет глубины. У Матвея в глазах под яркой синевой хоть и темное, но море – глубокое, втягивающее, а у этого – пустая рыхлая порода... Нет, не хочет она с ним, пусть проваливается.

Сегодня у нее знаменательная дата – окончание сессии. Она успешно сдала экзамены, и четвертый курс исторического факультета остался позади. Можно сказать, остался в истории...

Только что-то не радостно на душе. Нет чувства окрыленности, походка тяжелая, и непонятно, как на нее клюнул красавчик. Она шла по улице, он подъехал на «семерке» и получил «нет» в ответ... Вот если бы Матвей подъехал, он бы от ворот поворот не получил...

Но Матвея нет. Бегаёт где-то. Он парень шустрый, поэтому менты не смогли удержать его под замком. К Рите приходили, спрашивали, не появлялся ли он. По милицеевским учетам она проходила как его девушка. Что ж, она не против...

– Слушай, может, все-таки прокатимся? – не сдавался красавчик.

Рита недобро усмехнулась, глядя на него. Да, в свое время она повела себя как полная дура, но это совсем не значит, что у нее сейчас мозги набекрень. Она же насквозь его видела. Ему сейчас не столько Рита нужна, сколько победа над ней. Не может он уйти побежденным: гордость не позволяет.

– У меня парень есть, он меня не поймет. И тебя тоже.

– Ну, парень не стенка, можно и подвинуть...

– Он не стенка, он Шкаф. Кличка у него такая. Он бандит.

– Кличка такая? – смутился красавчик.

– Да, он широкий как шкаф. И тяжелый... Или ты сможешь его подвинуть?

– Да, конечно... Ой! – Нервно глянув на часы, хлопнул себя по лбу парень. – Совсем забыл! Извини, в следующий раз!

Он рассеянно махнул рукой в знак прощания, сел в машину и укатил прочь по Садовому кольцу – в сторону Павелецкого вокзала.

Рита грустно улыбалась, глядя ему вслед. Была у них на курсе девчонка, так она без всякого стеснения, более того, с гордостью рассказывала, что тусуется с настоящим бандитом. Раньше о таких частностях старались не распространяться, а сейчас...

Впрочем, Рита и сама ничуть не лучше. Как будто бес в нее вселился, когда она встретила Матвея. Еще в лицо его не увидела, а уже повелась, в ту же ночь ему и отдалась. Влюбилась в него, как кошка. Но и это еще не все. Совсем от любви одурела, потому и пошла с ним на «темное» дело. Это было какое-то помешательство. Причем с плохим концом...

Весь ужас истории, в которой она оказалась, дошел до нее, когда грузинский вор схватил ее и привязал к столу. А дальше был самый настоящий кошмар... Но ведь она сама была во всем виновата. Сама связалась с уголовником. За это судьба ее и наказала.

Матвей отомстил за нее, убил насильника, но Рита и не думала его за это благодарить. Нервный срыв с ней тогда случился, какое-то время она лежала в больнице. И еще ей пришлось давать показания – на унижительных допросах. Хорошо, что ей обвинение в соучастии не предъявили, а то бы она сама отправилась вслед за Матвеем... А ведь следователь догады-

вался, что Рита помогала угонять машины, и если бы Матвей это подтвердил... Матвей взял все на себя, и она осталась на свободе. Но в тюрьму к нему на свидание ни разу не пришла. О чем до сих пор очень жалеет...

Матвея нет. И скорее всего, не будет. Говорят, он сбежал в тайгу, в снег и в мороз. И путь его лежал через гиблые места. Путь в никуда... Опер, который приходил к ней, не очень-то и надеялся застать его у Риты. Не верил он, что Матвей жив. Чисто для проформы приходил, чтобы галочку в отчете поставить...

Рита уже год без него, и ничего, жива и здорова. Ну, грусть-печаль давит на нее, но это пройдет. Ее же не мучают больше ночные кошмары, в которых она лежит на грязном столе под мерзким вонючим грузином. Когда-нибудь она и Матвея забудет. Когда-нибудь согласится прокатиться с ветерком в компании с красавчиком. Только голову терять больше не будет...

Рита подходила к своему дому, когда перед ней остановилась машина – красавец «Мерседес» черного цвета. Подержанная машина, но блестела как новая.

Она хотела обойти автомобиль, но Павел Севастьянович не позволил ей этого сделать. Он вышел из машины и перегородил ей дорогу. Скупая, но белозубая улыбка на загорелом лице, под бежевым костюмом черная рубашка. Видный мужчина, моложавый, подтянутый.

Павел Севастьянович Каретников – хороший знакомый ее отца, друг семьи. И подонки по совместительству. Но Рита уже отомстила ему, поэтому не злилась.

Он поздоровался, показал на машину:

– Садись, поехали!

– Не хочу! – мотнула головой Рита.

Что это за день сегодня, то один в машину тащит, то другой... Сговорились они, что ли?

– Поехали, говорю! У твоего отца проблемы.

– У папы? – похолодела она.

Отец ее работал на Севере, хорошо получал, но суровые климатические условия плохо сказались на его сердце. Инфаркт у него недавно случился, он два месяца в больнице провел. Неужели снова?

Рита села в машину, ругая себя за глупость. Павел Севастьянович приехал за ней, чтобы к отцу в больницу отвезти, а она... Какие-то глупости в голове роятся. Не такая уж она и красавица, чтобы мужчины косяками за ней ходили...

Хотя и красавица. Во всяком случае, для Каретникова. Мужчина он статный, видный, но не любила она его. И уж точно не уважала... Но сейчас особый случай. С отцом беда, и Павел Севастьянович может ему помочь. Он и с врачом в прошлый раз договорился, и лекарства импортные доставал. У него свой кооператив, он очень хорошо зарабатывал и не скрывал этого. Более того, Павел Севастьянович только рад был блеснуть своими возможностями. Он и «Мерседес» купил, чтобы все восхищались и завидовали. Но все равно спасибо ему...

В салоне «Мерседеса» было комфортно, ход у машины мягкий, тихий.

– Ну, и как тебе мой зверь? – спросил он, протягивая к Рите руку.

Она отпрянула, прижалась плечом к дверце.

– Чего ты такая зашуганная? – усмехнулся он и хлопнул рукой спинку ее кресла. – Чистая кожа, говорю. У нас так не делают.

– Не знаю, – пожала плечами Рита.

Нет ей дела до кожаных сидений – ни в частности, ни вообще. Тем более отец собирался продавать машину. На инвалидность его перевели, с деньгами проблемы... А если он снова попал в больницу, то дело совсем плохо.

– На заводе, говорю, не делают. Самим чехлы надо шить... А у меня на «Волге» чехлы кожаные были. Я за них знаешь сколько отстегнул?

Рита вздохнула. Знала она про эту «Волгу», сама помогала ее угонять.

– Чего молчишь?

– А что говорить?

– Ну, как ты со своим уродом тачку мою угоняла, расскажи. – Павел Севастьянович улыбался, но в его голосе звучали злые нотки.

– С каким уродом? – Рита физически ощутила, как душа уходит в пятки.

Сначала в груди что-то ухнуло, потом в животе засосало, а там и под коленками заглохло – точно душа в пятки ушла.

– Ну, кого там посадили?

– Не знаю ничего...

– Я знаю. Матвей его зовут, фамилия Молотов.

– Знаю, что машину мою этот Молотов угнал. А ты со мной в это время была... Хитро задумали, ничего не скажешь...

– Не знаю ничего! – Рита отвернула голову к окну.

– Нехорошо взрослых обманывать.

– А к юным девочкам хорошо в постель заглядывать?

– Девятнадцать лет – это разве юная? – ухмыльнулся он.

– Сволочь!

Действительно, сволочь он, Павел Севастьянович, но без него Рита не познакомилась бы с Матвеем. Это из-за его свинства после каждого пьяного застолья на даче она уходила в машину. Там ее не достанешь... Если бы она тогда не заночевала в отцовской «Волге», Матвей уехал бы без нее. И семья тогда осталась бы без машины...

– Что с отцом? – ушла она от опасной темы.

– Ничего. Жив-здоров. А ты что подумала?

– Останови машину!

– А как же отец? У него проблемы... Его дочь задолжала одному очень уважаемому человеку очень большую сумму. И она должна с ним расплатиться...

– Как?

– Илья может отдать мне свою «Волгу».

– Хорошо, я с ним поговорю.

– Поговоришь. У меня на даче. Он сейчас там. И пожалуйста, без истерик. У Ильи болезненное сердце, ему нельзя волноваться. Спокойно подъедем, спокойно с ним поговоришь, расскажешь, как все было, он поймет. Ты меня понимаешь?

– Понимаю... Что с папой?

– В подвале он у меня, на цепи... Шучу. В гостях он у меня. Я его пригласил, он приехал. Сейчас и ты там будешь... Ты, главное, сильно его не расстраивай.

Всю дорогу она думала, как будет объясняться с отцом, прокручивала в голове различные варианты, по каким мог развиваться разговор, просчитывала последствия. Но, как оказалось, отца на даче у Каретникова не было. Во всяком случае, Рита не увидела его машины во дворе.

Зато Павел Севастьянович поставил свою машину на то самое место, с которого Матвей угнал прошлым летом его «Волгу». Ничего с тех пор на даче не изменилось. Только время немного другое. Время, в котором нет Матвея. А он бы нашел способ, как защитить Риту...

– А где папа? – настороженно спросила она.

– Илья, ты где? – Павел Севастьянович взял ее за руку, провел в дом. – Нет Ильи!

– Он что, у тебя в подвале? – ужаснулась она.

– Нет его здесь, – усмехнулся Каретников.

– Но ты же сказал!

– Ты что, идиотка? У Ильи реально проблемы с сердцем! Хочешь, чтобы я убил его своими претензиями? А ты бы еще рассказала ему, как совратила меня!

– Я?! Тебя?! Совратила?! – Рита ошалело уставилась на него.

– Конечно, совратила! Помнишь, какая на тебе юбка была? – Он присел на корточки перед ней и приподнял подол ее платья, показав, какой длины была юбка.

Действительно, тогда, два года назад, Рита позволяла себе мини, но давно уже перешла на более длинные платья. И на то была причина...

– Не трогай меня! – Рита подняла руки, чтобы ударить его по шаловливым пальцам, но Каретников поднялся и отшагнул назад.

– Зачем нам напрягать Илью? – с каверзной улыбкой спросил он. – Зачем оставлять его без машины? Это окончательно добьет его... Ты уже взрослая девушка, и ты уже вполне можешь обходиться без помощи своего отца. Сама расплатишься со мной.

– Как?

– И как, и чем... Своей любовью расплатишься. Позвонишь отцу, скажешь, что уехала к подруге в Крым. Или в Сочи... Или с другом уехала... Ты уже вполне взрослая, – глумливо усмехнулся Каретников.

– Что?! – Рита едва сдержалась, чтобы не влечь ему пощечину.

– Со мной будешь спать. Здесь. Недели две. Может, чуть больше... А потом все, мы в расчете. Там уже тебе решать, продолжать нам с тобой или нет. Если да, хорошо, если нет, найду себе другую.

– Гена придет и убьет тебя! – замахнувшись на него, назвала первое попавшееся имя.

– Гена?! – Он перехватил ее руку и заломил за спину.

– Он мой парень! И он бандит! Из Люберец! – Сегодня это вранье уже сработало, почему бы не повторить.

– И что? У меня свои бандиты! Одно мое слово, и твоего Гену опустят как последнего!

– Ты – покойник, мразь! Ты – покойник!

Рита угрожала, сыпала проклятиями, но Каретников только смеялся. Он, казалось, уже и не хотел, чтобы она уступила сама – в обмен на долг за машину. Ему нужно было взять ее силой. Безумные фантазии маньяка...

Рита вырвалась от него, забила в угол комнаты. Надо было бежать к дверям, но насильник перегородил ей путь, подзывая к себе.

– Ну, чего ты встала? Давай, начинай!

– Ты заплатишь за это!

– Заплатишь ты! И за машину заплатишь! И за «динамо»!

Рита вдруг увидела лежащую на столе отвертку с зеленой пластмассовой ручкой. Маленькая отвертка, такой не убьешь, но лучше что-то, чем ничего.

Каретников гнусно засмеялся, когда она схватила отвертку, нацелив на него плоское острие.

– Я же тебя убью, дура! Ты что, не понимаешь этого?

– Оставь меня в покое, мразь!

– А как же долг?

– Не трогала я твою машину! Ты ничего не докажешь!

– А я не буду ничего доказывать! Я сдам тебя братве! И они заставят тебя отработать! Отправят в грязный вонючий притон!

– Хватит! – истерично взвизгнула Рита.

Какое-то время она с ужасом смотрела на этого ублюдка – он действительно мог сдать ее в какой-нибудь притон! Затем кивнула, подошла к дивану и села.

Каретников тут же отскочил назад, учуяв неладное, но Рита оказалась ловчее. И удар получился сильным – плоское острие отвертки пробило кожу и вошло в живот.

Но убить подонка она не смогла. Тот с диким воем схватил ее за руку, вырвал отвертку, отбросил ее прочь и заставил Риту лечь за живот. На этот раз он не позволил себя обмануть. И она не смогла удержать ноги вместе.

Но воспользоваться своей победой он не успел. Кто-то ударил его сзади, он дернулся и отпустил Риту. Она видела, как он повернулся к ней спиной. И увидела нож, торчащий у него под левой лопаткой.

А ударить его так мог только Матвей. Неужели он вернулся?..

Глава 5

Барсанский завод цветных металлов – предприятие крупное, союзного значения, поэтому и поселок при нем – большой. Или лучше сказать, маленький город. Строили его со знанием дела. В центре поселка громоздились крупнопанельные высотки, с другой стороны главной улицы стройными рядами стояли пятиэтажки с квартирами улучшенной планировки, за ними начинались кварталы, застроенные четырехквартирными коттеджами. Небольшие однотипные дома, как у Оксаны, размещались на самой окраине поселка. Их ставили для деревенских жителей, для тех, кто не мог обходиться без сада и огорода. Все это строилось по генеральному плану. Площади, аллеи, скверы, Дом культуры, Дворец спорта, школы, детские сады, комбинат бытового обслуживания, магазины, кафе, ресторан – все, как в городах будущего, о которых мечтали вожди мирового пролетариата. Казалось бы, живи в таком поселке и радуйся. В принципе, так оно, пожалуй, и было – люди жили, радовались... и воровали.

«Несунов» отлавливали, сажали, но на место одних приходили другие. Так было, есть и будет. И никакие менты не смогут этому помешать. Да они, если верить Яше, не очень-то и старались. У Бремена были серьезные связи в местном отделении внутренних дел, и в охране завода имелись свои люди. Система работала стабильно, без особых сбоев, и Матвей совсем не прочь был восстановить ее, но под своим началом. Уж он-то нюх, как это было с Бременом, не потеряет. Ни в его положении расслабляться. В бегах он, и об этом трудно забыть...

– Приехали!

Сева Вензель остановил «девятку» возле одноэтажного дома на краю поселка. Пацан крепкий, внушительного вида, но Бремен, вечных ему снов, других под ружье и не ставил. На пике грандиозного «шухера» Сева повел себя не лучшим образом. Сбежал из кабака, забился в угол. Если бы не Матвей, его бы оттуда и не выковыряли. Некому было бы это делать, если бы Яша с Емелей слиняли в Красноярск.

– Ну, пошли! – Матвей достал из-за пояса ствол, передернул затвор.

Бремен знал, что его золото как магнит притягивает к себе зверье с ближних и дальних окрестностей – он готовился к серьезной схватке, поэтому вооружил своих пацанов. И пистолеты «ТТ» у него были в арсенале, и даже автоматы. Но где сам этот арсенал, Матвей не знал. И где Бремен прячет свой «общак», ему неизвестно. Не знали об этом пацаны, слишком уж мелкой сошкой они были для таких дел. А если бы знали, их бы в Барсане уже не было. Забрали бы золотишко, и ту-ту... И кто бы им за это предъявил?..

К дому они заходили со стороны железнодорожного полотна, огородами, чтобы не попасть под свет уличных фонарей.

Пацаны практически не владели информацией. Знали только, что «мясники» откуда-то из Красноярска, возглавлял их какой-то Бешняк. Сколько их, кого представляют – с этим темный лес. Но была одна зацепка. Бремен пригласил в кабак всех своих пацанов – от мала до велика. Пришли все, кроме какого-то Юры Ежика. Все бы ничего, но этот фрукт был в системе не на последних ролях. И еще он часто ездил в Красноярск – по своим личным делам. Вроде как подруга у него там жила...

А дом у него в Барсане – полная чаша. Чистый, опрятный, двор асфальтом залит, в гараже новенькая «Волга». Баню кирпичную отгрохал.

У ворот загавкала собака, Матвей услышал, как со звоном натянулась цепь, на которой сидел пес. И тут же в окне зажегся свет. Слабенький свет, от ночной лампы на тумбочке. Он подошел к этому окну, заглянул в зазор между шторами и увидел лежавших в кровати кряжистого мужика и женщину с длинными черными волосами. Лиц он не разглядел, да ему это и не нужно.

– Юра, открывай!.. – выкрикнул Яша. – Кто-кто! Рыбаль я! Не узнаешь?.. И Емеля со мной... Да не поздно... Нормально все!.. Ты че, не понимаешь! – И, вышибая ногой дверь, ворвался в дом. Емеля и Вензель не отставали.

Когда Матвей заглянул в спальню, Ежик лежал на полу, и Яша вдавливал в его толстый живот ствол пистолета. Вензель же занимался женщиной, дрыгавшей ногами. Все правильно, ее нужно связать, чтобы она не наделала глупостей.

– Колись, падла, давно ты с Бешняком знаешься? – ревушим голосом спросил Яша.

– Я знаюсь?! – истошно простонал Ежик. – Да ты с дуба рухнул, пацан!

– С дуба?! Рухнул?! – Яша дико хохотнул, подпрыгнул на месте и действительно рухнул на пол. Но при этом локтем рубанул Ежика в грудь. Есть такой прием в реслинге. Ежик чуть «коньки не откинул», такой силы был удар. – Ну как, еще добавить?

– Да не знаюсь я с Бешняком! – захныкал Ежик.

– А я спрашиваю, знаешься ты или нет? Я говорю, что ты ему Бремена сдал. Всех сдал!

– Не можешь ты этого знать!

– А вот знаю! – И снова Яша повторил свой прием.

На этот раз Ежик потерял сознание, и пацаны стали приводить его в чувство. Матвей повернулся к Вензелю и кивком головы показал на женщину:

– Ты ее знаешь?

– Да нет, впервые вижу. Говорит, что из Красносибирска.

– Та самая?

– Да вроде того!

– Бешняка знает?

– Знает! – оторвав голову от кровати, бросила на Матвея злобный взгляд женщина. – Бешняк вас на куски за меня порубит!

– Не порубит. Нет его больше, – соврал Матвей.

– Гонишь! – хохотнула женщина. – Не можешь ты его убить! Нет его здесь! – Ее голос срывался на истерику.

– Вот и я о том же, – скупно усмехнулся Матвей.

– Уехал Бешняк! В Омске он! Я вчера ему звонила!

«Мясники» взбудоражили поселок, все только и говорят о резне, которую они устроили в ресторане. Но, как это ни смешно, менты уголовное дело возбудить не могут. Бешняк подогнал самосвал, заставил халдеев загрузить в него трупы и вывез их куда-то в лес. Так все и было, только никому от этого не смешно. Работники ресторана запуганы так, что все отрицают. Ни какой резни не было, и раненых не добивали, и трупы никто не вывозил. А почему кабак залит кровью – черт его знает?.. Пока что у Матвея была такая информация. Может, кто-то и дал показания. Может, «мясников» объявили в розыск. Но кого искать? Нападавшие были в масках и перчатках...

Бешняк держал на руках козыри, но все равно решил не рисковать и на всякий случай убрался подальше от Красносибирска. Этим и можно было объяснить его вояж в Омск. Наверняка он там в какой-нибудь гостинице откисает.

Матвей глянул на телефонный аппарат – что, если она звонила с этого телефона? Можно сгонять на узел связи, взять распечатку, выявить омский номер и пробить его по телефонному справочнику. Работа не простая, но, возможно, игра стоит свеч. Было бы неплохо «замочить» Бешняка в его берлоге...

Руки дрожат, поджилки трясутся. Страшно. Жуть, как страшно. Но кто-то же должен отомстить за Бремена, за всех, кого зверски зарубили гнусные «мясники». Яша спать не сможет, если упустит этот момент...

Бешняк действительно пропадавал в омской гостинице. На дно залег после великой барсанской резни. До лучших времен залег. А эти времена для него, считай, наступили. Менты против него ничего не имеют, жители поселка запуганы насмерть, никто и не посмеет пойти против него, когда он заявит свои права на барсанское золото. А Бешняк заявит, для этого он и зарубил Бремена.

Возможно, уже завтра Бешняк отправится в путь. Возьмет своих отморожков и рванет в Барсан – устанавливать свои порядки. И когда еще Яше представится возможность накрыть всю кодлу одним махом? Возможно, уже никогда.

Там, в Барсане, Бешняк будет на стреме. И он будет бояться нападения, и его охрана. А здесь, в омской гостинице, он беспечен и беспшибашен. И его ублюдки полностью расслабились, сидят в кабаке, впятером бухают. Музыка играет, народ гуляет, девочки танцуют, и ничего не предвещает беды. Именно так Бешняк и должен думать.

Он еще не совсем пьян, его пока не тянет на девочек, поэтому за столом, кроме бандитов, никого нет. А «поляна» накрыта в отдельном кабинете. В случае чего, «мясникам» некуда будет бежать, и грех этим не воспользоваться.

Но руки дрожат, поджилки трясутся... Надо брать себя в руки.

– Ну, ни пуха!..

Яша натянул шапку на глаза, поднял шарф до самой переносицы. Емеля и Вензель сделали то же самое. На улице не холодно, шарфы уже не носят, но так и стволы далеко не у каждого.

Первым Яшу заметил Бешняк. Заметил, сфотографировал взглядом и, сразу все поняв, сунул руку под пиджак, но время уже работало против него. Яша остановился в метре от широкого арочного прохода в кабинет, вытянул руку, навел пистолет на цель. Бешняк уже вытаскивал ствол, когда он нажал на спуск. Первая пуля разбила светильник над головой главара, вторая попала в горло качку, сидевшему справа от него, зато третья прострелила Бешняку голову. Вензель впал в ступор, он стоял с открытым ртом и смотрел, как Яша и Емеля расстреливают шакалов. Опомнился только тогда, когда у них в обоймах закончились патроны. Опомнился и выстрелил в мордастого урода, который, выжив под пулями, пытался спрятаться под столом. Он был единственным, кто уцелел, но Вензель не дал ему шансов... Мордастый уже был мертв, а Вензель все продолжал жать на спуск. Яша дернул его за руку, увлекая его за собой.

– Уходим!

Останавливать их было некому, поэтому они спокойно вышли из ресторана, свернули за угол и сели в свою «девятку» с «липовыми» номерами. Все, теперь можно ехать домой. Девятьсот километров, по меркам Сибири, не крюк...

Расцвела баба, крылья расправила. То как чушка ходила, а сейчас вся из себя. Цветет Оксана и пахнет. Даже помолодела.

Не сказать, что красавица, но внутри у Яши дрогнуло, когда она открыла ему дверь. Волосы распущены, глаза крашены, лицо напудрено, серьги золотые, кулон с камушком, а как высоко вздымается грудь в декольте. А платье у нее смелое, надо сказать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.